

Т. В. Стась
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ УЧАСТКОВ ЛЕСА, РАСЧИЩЕННЫХ ПОД ПАШНЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIV–XVI ВВ.)

В статье представлен комплексный анализ группы лексики подсечно-огневого земледелия: проведена семантическая группировка выявленных лексических единиц, дана их характеристика с точки зрения происхождения и функционирования на разных этапах развития русского языка, определена грамматическая структура и семантический объем данных слов. Рассматривается также их деривационная активность, прослеживается дальнейшая судьба в современном русском литературном языке.

Ключевые слова: историческая лексикология, лексико-семантическая группа, полисемия, вариативность компонентов.

Обилие терминов подсечно-огневого земледелия в памятниках письменности Северо-Западной Руси XIV–XVI вв., выражающих по сути одно и то же понятие “участок леса, расчищенный под пашню или сенокос”, определялось целым рядом причин, в том числе и развитием системы подсечно-огневого земледелия. Этапы подготовки лесоучастка к сельскохозяйственному использованию формировали особую терминологию на протяжении многих столетий.

Цель статьи – изложить результаты комплексного исследования лексики подсечно-огневого земледелия, в частности лексико-семантической группы “составные наименования участков леса, расчищенных под пашню”.

Для называния земельных участков, подготовленных к сельскохозяйственному использованию подсечно-огневым способом, в новгородской письменности XIV–XVI вв. активно использовались составные наименования – атрибутивные словосочетания со стержневыми словами *земля, лес, поле*. О подсеке также свидетельствовало употребление в качестве определения границ владения формула *куды топорь ходил; куды коса ходила; куды ходила коса и секира*.

Рассмотрим в лексико-семантической группе “составные наименования участков леса, расчищенных под пашню” следующие словосочетания: *лешая земля, топорная земля, деловая земля, посекирная земля, страдомый лесь, пахотный лесь, пашенный лесь, лесное поле, в лесу поле*.

Собственно русское по происхождению субстантивированное прилагательное *леший* “лесной”, известное уже в древнерусском языке – именная форма *лешь* – производное посредством суффикса *-j-* от *лесь*: *сj > ш*, впервые зафиксировано в Псковской судной грамоте (XIV–XV вв.): *О лешеи земли будеть судь* [4, II, с. 31].

Первоначальное значение прилагательного *леший* “лесной”, “относящийся к лесу” прослеживается в сочетаниях с конкретными нарицательными именами: *лешие ловли; на лешей речке; лешии озера; по лешимъ полянкамъ; ...и с двором с лешим и с варничными с лешими; ...со всеми угоды с лешими; ...с лешими путики; объезжают лешими дорогами; ...с лешими ухожами и с лешими дворами; ...и с лешим промыслом... промышляти.*

В новгородских памятниках письменности широко представлено отмеченное И. И. Срезневским в Псковской судной грамоте словосочетание – *лешая земля*. Значение этого словосочетания трактовалось по-разному. Так, например, И. Энгельман переводил его как “лесная земля, лесные участки”, П. Мурзакевич и Ф. Устрялов считали, что это “земля, поросшая лесом, земля под лесом”. Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев предложили иное толкование: по их мнению, *лешая земля* – это “неудобная для обработки земля”. И. И. Полосин понимал *лешая земля* – “охотничьи угоды, участки строевого дровяного леса”; О. С. Мжельская [2] рассматривает словосочетание как “земельное угоды в лесу”, “пашенный лес” в отличие от леса “черного, непашенного”. Анализируя фрагмент из Дела 1614 г. о размежевании Спасо-Нередицкого монастыря с ямскими охотниками, где говорится о том, что сначала монастырь выделял охотникам несколько пустошей для пахоты и сенных покосов, но окончательного размежевания не было: *А лес пашенной и черный непашенной не делен, потому что стала зима. Летом игумен и монахи потребовали окончательного раздела: велел бы [царь Борис Федорович]... в деревне на Пчеве с охотниками в лешей земли и в лесу, и в сенных покосах развод учинили, чтоб меж ими вперед в том спору не было* [ДТП, т. XXII, с. 168].

Наши материалы не позволяют до конца согласиться с О. С. Мжельской [2]: в предложенном примере из Дела 1614 г. действительно прослеживается соответствие значений *лес пашенный = лешая земля; (лес) черной непашенной = лес*. В исследованных нами документах в Купчей Мелентия Ефим. Чеваки отмечено: *...да путики, да в хмилникахъ да в лешобном лесу участокъ* [ГВНП, № 184, XV в.], – скорее всего здесь *участокъ* “часть земельного имущества; участок полученный по разделу” [2, III, с. 1333], находящийся в лесу, впервые разрабатываемом под пашню – *лешобном лесу*.

С этой же семантикой словосочетание *лешая земля* используется в следующих документах: *А что купилъ игумень Якимъ село, поля и заполки, и лешую землю* [ГВНП, № 295, ок.1456 г.]; *...выделити Матфею Иванову..., изъ Деревеньской земле из большого двора и малыхъ селець и съ полевой земле и изъ лешей* [там же, № 122, XV в.]: здесь, вероятно, можно сопоставить значение словосочетаний *полевые земли* и *лешии земли*:

“открытое место” и “поросшая лесом земля” или “обрабатываемое поле, пашня” и “необработанная, лежащая “впусте” земля”.

Подобное противопоставление значений наблюдаем в Грамоте новгородского архиепископа Феофила Соловецкому монастырю на четыре села на Бобровой горе: *Се азъ преосвищенный архіепископ Великого Новгорода и Пскова владыка Феофілъ далъ есмь в домъ святаго Спаса и Успенію святеи богородици..., четыре селца, и землю и воду, и **полешіи** леса и **стрдомый** лесъ, и водный ловища* [ГВНП, № 99, XV в.]. “Полеший – мелкорослый (о лесе)” [2, II, с. 1158], необрабатываемый; *стрдомый лесъ* – пахотный лес, т. е. рассматриваемые словосочетания используются в приведенном контексте как антонимы.

В новгородских документах, например, в Духовной Федора Остафьевича, отмечаются варианты прилагательного *полеший* в сочетании с лексемой *лесъ*, имеющие те же значения: *полесной лесъ, полешной лесъ* [ГВНП, № 111, XV в.]; *леса лешши* [ГВНП, № 279, XV в.].

Для того, чтобы *лешая земля* стала землей пригодной к сельскохозяйственному использованию, требовалось продолжительное время и упорный труд. Подсечно-огневое земледелие появилось в глубокой древности, еще до изобретения железного топора, оно прошло в своем развитии несколько этапов. В период, когда подсечно-огневое земледелие было безрубным, отмечает Ю. И. Чайкина [6], деревья на лесных участках не срубались, а “подсекались” – с них сдиралась кора. Затем 5–15 лет требовалось для их высыхания и падения под действием ветра. С появлением железного топора подсечка деревьев заменяется рубкой, срубленное дерево высыхает гораздо быстрее (1–3 года). Процесс подготовки леса к сельскохозяйственному использованию заметно сокращается во времени. С ростом товарной ценности леса, связанным с развитием хозяйства, строительный и дровяной лес с подготовленных под пашню или сенокос лесных участков начинает вывозиться. Он уже не сжигается: *Ставился тот Микулка на Марнаволоке от Муромского монастыря, а бревна имал на Лухтоострове на паловой ниве* [Гр. Палеостр. мон., 1538–1539 гг., Гейман, с. 139]. Выжигу подвергался лишь мелкий лес, кустарник и сучья. По словам В. П. Петрова подсечная система из деревянной становится кустарниковой [3, с. 124]. В связи с этим на лесных участках заметно сокращается слой золы, удобряющей почву и не требующей ее взрыхления. Это компенсируется тем, что подсечно-огневое земледелие начинает преобразовываться в мотыжное, при котором производится более тщательное рыхление почвы [там же, с. 163].

Итак, сначала необходимо было *лесовати лесъ*, “*полесовати лес* – разрабатывать, расчищать лес” [1, с. 252]: *...попу Онтону досталось на летней стороне река Яренга, и на море тоня рыбы ловити, и поже в Яренге,*

и озер, и леса лесовати, и всякия угодыя, ловища, или соловарное место будет [ГВНП, № 204, XV в.]; *А боярам новгородчкым ... ни иному никому ж в тьи острова не вступатися... ни лесов не полесовати* [СГР, 151, XV в.]; *чистити лесъ* – “расчищать участок леса от деревьев и кустов”, “расчищать угодыя, болото, лес, пожню [1, с. 394]: *А тотъ есмя лесъ взялъ полюбовно, потому то въ томъ острове чистили*; *меншей тотъ намъ лесъ чистити*; *а та земля чисти себе, а своими сабры и рознятися* [АХУ, 1568 г.]; ... *а который у насъ лесъ съ головы острова и по сторонамъ отъ Двины, и того намъ лесу не чистити и дровъ не сечи, и лыкъ не драти...* [там же].

Значение “расчищать участок леса от деревьев и кустов” в словосочетании *лесъ чистити (розчищати)* прослеживается также во владимирских, московских, тверских, ярославских документах: ... *а после писцовъ... на черномъ лесу розчищая ... подъ пашню лесъ и поставили починки* [АЮБ, № 28, 1643 г.].

В памятниках письменности Белозерья отмечается *учистити пожни* – “расчистить пожни для сенокоса” [1, с. 378].

В результате расчистки леса от деревьев и кустов, завершения подготовки леса к сельскохозяйственному использованию и образовывались угодыя, называемые словосочетаниями с близкими значениями, дифференцирующие одно и то же понятие – “учасаток леса, подготовленный к сельско-хозяйственному использованию”.

Составной термин *топорная земля* в рассмотренных памятниках имел значение “участок леса, подготовленный к сельскохозяйственному использованию путем вырубki деревьев”. Конкретизатор *топорная* делает семантику словосочетания достаточно прозрачной: земля в лесу, подготовленная с использованием топора: *Се азъ Сидоръ Семеновъ сынъ взялъ есма землю на усть Лявли реки на горы роспашъ топорная земля... А та земля Сидору сеять і орать, і парить і пожни очищать* [ГВНП, № 260, XV в.].

То же значение имел составной термин *посекирная земля* “участок леса, подготовленный к сельскохозяйственному использованию путем вырубki, высекания деревьев”. Конкретизатор *посекирная* – абсолютный синоним лексемы *топорная*. “Секыра, сокыра – топор [4, III, с. 904; 5, III, с. 592]; “сечи, секу – рубить [4, III, с. 904]: *И вы на Палье острове, ..., леса не секите* [ГВНП, № 316, XV в.]. В предлагаемом ниже примере сложное наименование *посекирная земля* “участок леса, расчищенный под пашню”: *Завладели государь оне мою посекирою землею, а я сирота тех суков знаменил и хотел суку подсечь и сев посиять* [Челоб. кр-ва Вохтозерской в., 1650 г.; Мюллер, с. 103].

Участок земли, подготовленный к сельскохозяйственному использованию носил название *деловая земля*: *Опричь деловая земля, что дети делилися* [Дух. Новг. XIV в., АЮ № 409].

Делати землю означало “подготавливать землю к сельскохозяйственному использованию”: *...земли имъ делати, и пожни косити, и лешеи озера ловити, и тоне ловити добровольно* [ГВНП, № 96, XV в.]; *И на Усть-Ковжи крестьянам делати землю на своем черном лесу* [Отводн. сп. Белов. 1492 г.; Ак. II, № 289]. В “Материалах” И. И. Срезневского атрибутивное словосочетание “*черный лес – лиственный лес*” [4, III, с. 1564], с этой же семантикой словосочетание представлено в Словаре русского языка XI–XVII вв.

Со значением “участок леса, подготовленный к сельскохозяйственному использованию” словосочетание *деловая земля* употреблялось и в северо-восточных районах Руси: *Купили есм(я)...село...Титовское... с лугы, и с пожнями, и с лесомъ, и з бортьми, и з деловою землею, и со всеми угод(ь)и* [Купч.1490 г.; АСВР, 404, 1485–1490 гг.]. И предложенном контексте сложное наименование *деловая земля* употребляется в одном ряду с названиями других лесных угодий: *лесомъ, бортьми*, это позволяет считать, что рассматриваемое словосочетание используется с семантикой “участок леса, расчищенный и используемый под пашню”.

В новгородских памятниках письменности участок леса, расчищенный и используемый под пашню именовался *пахотный лес, пашенный лес*. Подобному определению семантики рассматриваемых словосочетаний способствует конкретизатор *пахотный, пашенный*: *А от речки отъ Юмчищъ большихъ выше Коряковскихъ починковъ отъ заполичныхъ пахотныхъ лесовъ ...спорные промежные земли* [А. гражд. распр. I, 340, 1632 г.]; *По смете въ длину пашенного лесу на версту* [Кн. ям. Новг., 135, 1601 г.].

С такой же семантикой используется словосочетание *пахотный лес, пашенный лес* и в московских документах: *Отъ березъ да отъ елки лесомъ пахотнымъ* [АЮ № 8, 1498–1505 гг.]; *Дер. Хвалишино... лесу пашенного заросли во всехъ трехъ полехъ* [Кн. пер. Моск. II, 67, 1540 г.].

Заметим, что в Двинских грамотах конца XVII в. фиксируется словосочетание, антонимичное приведенным выше: *...причистые сенокосные места от матерыхъ сенныхъ покосов чистили в десятинныхъ непашенныхъ лесахъ* [Гр. Дв. II, 359, 1693 г.].

Именные словосочетания *в лесу поле, лесное поле* имели значение “участок леса, расчищенный и используемый под пашню”: *Даль есмь святому Николи отчину свою вчасть, свои орамые земли и пожни... на гори въ в лесномъ поле полоса земли; другая полоса земли в лесномъ же поли* [ГВНП, № 170, XV в.]; *Се купи Иване Федоровичъ ...село на Ровдине гори..., а в лесу поля* [ГВНП, № 241, XV в.]. В предложенных примерах

лексема *поле* – “пахотная земля”, “полоса земли в поли” – узкий участок пахотной земли.

В документах других территорий составное наименование *лесное поле* не отмечается [1, с. 252].

С этой же семантикой в новгородских памятниках письменности отмечено употребление словосочетания *в лесехъ участокъ*: *А даю село святеи Богородици... дворъ и дворище, горныи земли и юрмольскии земли, и пожни, и перевесища, и поводнища, и в лесехъ участокъ, и в путикахъ* [ГВНП, № 257, XV в.]; *Се купи Игнате у Станише на Юрмоли верхнемъ поли уцастокъ его, и въ дворищи уцастокъ его, и в сосники участокъ его* [АХУ, № 28, XV в.].

В новгородской письменности XIV–XVI вв. в качестве определения границ владения употреблялись устойчивые выражения *куды топоръ (секрыра) ходиль (-а)*: *...что к той деревни истарини потягло, куды топоръ ходиль, куды коса ходила...* [ГВНП, № 268, XV в.]; *... монастырь игумену и братию во общину съ всеми угоды, куды ходила коса и секрыра...* [ГВНП, № 282, XV в.].

Таким образом, судьба проанализированных составных наименований в современном русском литературном языке оказалась различной: большая часть из них вышла из употребления; в лексикографических источниках с пометой “спец.” зафиксирована лишь *страдающая земля* в значении “обрабатываемая земля”; в народных говорах со старым значением отмечено наименование *страдающая земля*.

Л и т е р а т у р а :

1. *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси / Георгий Евгеньевич Кочин. – М.–Л. : АН СССР, 1937. – 487 с.
2. *Мжельская О. С.* Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV вв. / О. С. Мжельская // Ученые записки ЛГУ. – № 198. – Вып. 24. – Л., 1956. – С. 170.
3. *Петров В. П.* Подсечное земледелие / Виктор Платонович Петров. – К. : Наук. думка, 1968. – 228 с.
4. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / Измаил Иванович Срезневский. – СПб., 1893–1903.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973.
6. *Чайкина Ю. И.* Вопросы истории лексики Белозерья / Ю. И. Чайкина // Очерки по лексике северонорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 119–123.

R e f e r e n c e s :

1. *Kochin G. E.* Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rusi [Materials for the terminological dictionary of ancient Russia] / Georgiy Evgenyevich Kochin. – M.–L., 1937. – 487 s.
2. *Mzhelskaya O. S.* Mestnaya leksika v pskovskoy delovoy pismennosti XIV–XV vv. [Local vocabulary in Pskov business literature XIV–XV centuries] / O. S. Mzhelska // Uchenyye zapiski LGU. – № 198. – Vyp. 24. – L., 1956. – S. 170.
3. *Petrov V. P.* Podsechnoye zemledeliye [Slash and burn agriculture] / Viktor Platonovich Petrov. – K. : Nauk. dumka, 1968. – 228 s.
4. *Sreznevskiy I. I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of ancient language written on monument] : v 3 t. / Izmail Ivanovich Sreznevskiy. – SPb., 1893–1903.
5. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian language] : v 4 t. / Maks Fasmer. – M. : Progress, 1964–1973.
6. *Chaykina Yu. I.* Voprosy istorii leksiki Belozyorya [The history of vocabulary Belozyorya] / Ю. И. Чайкина // Очерки по лексике северонорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 119–123.

А р х е о г р а ф и ч е с к и е и с т о ч н и к и :

АЮ – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографическою комиссиею. – СПб., 1838.

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии : в 3 ч. // РИБ. – СПб, 1890.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / [под ред. С. Н. Валка]. – М.–Л., 1949.

Гр. Дв. II – Грамоты Двинского уезда XVII–XVII вв. // Сборник грамот Коллегии эконومیи. – Т. 2. – Л., 1929. – СТЛБ. 1–434. – 1649–1748.

Стась Т. В. *Складові найменування ділянок лісу, розчищених під рілля (за матеріалами писемності Північно-Західної Русі XIV–XVI ст.).*

У статті представлено комплексний аналіз групи лексики підсічно-вогневого землеробства: проведено семантичне групування виявлених лексичних одиниць, дано їх характеристику з точки зору походження та функціонування на різних етапах розвитку російської мови, визначено граматичну структуру та семантичний обсяг цих слів. Розглядається також їх дериваційна активність, простежується подальша доля в сучасній російській літературній мові.

Ключові слова: історична лексикологія, лексико-семантична група, полісемія, варіативність компонентів.

Stas T. V. *Compound names of forest areas cleared for cultivation (based on the writings of the North-West Russia XIV–XVI centuries).*

The article deals with a comprehensive analysis of the names of slash-and-burn agriculture of the North-West Russia XIV–XVI centuries: highlights the question of its formation, reveals the specifics of the operation in the period under study, discusses the changes in the semantic structure of ambiguous words, expanding the semantic volume and concretizes the meaning of some lexical units. The paper presents a holistic lexical-semantic, word-formation and structural analysis group vocabulary slash-and-burn agriculture: reveals the scope and conducts a semantic grouping of lexical units, gives their characteristics in terms of the origin and functioning of the various stages of development of the Russian language, defines the

structure, word-formation, semantic scope, considers derivational activity, some grammar, word-formation and structural features, traced the fate of the modern Russian literary language. Study of the vocabulary of the Russian language in this regard is very promising, the results extend the understanding of the vocabulary of the Russian language on the formation of the terminology of tillage and haying.

Keywords: *historical lexicography, lexical-semantic group, polysemy, variability of components.*